

А. Илюкович

1965
Михаил Шолохов
(1905–1984)

«Тихий Дон» живет своей собственной жизнью. Конечно, не иностранцу предсказывать, какие именно русские произведения навсегда останутся в разряде классических, но, если эта книга не окажется в их числе, душе моей не знать покоя.

Ч. Сноу

«Тихий Дон» переведен в 45 странах на несколько десятков языков мира, это одно из самых популярных за рубежом произведений русской литературы. Его художественные особенности проанализированы в деталях. Высокую оценку роману давали Хемингуэй и Андрич, а Роллан находил в творчестве Шолохова «нечто от великого психологического мастерства Толстого». Сартр называл его среди наиболее достойных Нобелевской награды. И тем не менее писать о Шолохове непросто — его житейская и творческая судьба сложились отнюдь не стандартно.

Начать с того, что, попробовав силы в сборничках простеньких рассказов, почти безусый мальчишка берется за роман-эпопею и в 35 лет заканчивает его, написав в промежутке куда более слабую, приспособленческую книгу «Поднятая целина» о коллективизации деревни. После этого его творческая потенция резко падает: после войны Шолохов с трудом возвращается к перу, 15 лет восстанавливает погибшую рукопись второй части «Поднятой целины» и, так и не завершив начатый в войну роман «Они сражались за Родину», задолго до смерти прекращает писательскую деятельность. Показав себя в «Тихом Доне» крупным художником, глубоко ощущающим трагизм и сложность жизни, он больше никогда не смог приблизиться к тому уровню духовного видения, которым отмечена эпопея.

Общественное признание пришло к нему рано и двигалось по нарастающей: в 32 года — депутат Верховного Совета СССР, в 34 — академик, в 56 — член ЦК КПСС, лауреат Сталинской (1941) и Ленинской (1960) премий, дважды Герой Социалистического Труда (1967, 1980), кавалер шести орденов Ленина и других наград. Писавшие о нем оперативно освоили эпитет «великий»: великий роман, великий художник, великий человек, а потом, еще при жизни, прозвучала и максимальная оценка — гений. Один из критиков заявляет:

«Значения его не измеришь, сравнивая лишь с современниками, среди которых М. Горький, Т. Манн, У. Фолкнер. Приходится вернуться к золотому веку литературы — XIX-му, к монументальным фигурам Толстого и Достоевского».

Другой берет нотой выше:

«Он, подобно Толстому, оставил нам эпос, так что теперь у нас, в русской литературе, их два. А если не забыть “Слово”, то, наверное, и три».

Сам Шолохов, по свидетельствам знавших его, не выносил угодничества, но что до этого было тем, кого заботила не столько судьба отечественной литературы, сколько своя собственная. Они приравняли «Поднятую целину» к «Тихому Дону»; поставили в тот же ряд ранние рассказы, которые сам Шолохов числил «пробой пера»; главы из романа о войне, среди которых есть откровенно слабые, стали именовать «эпопеей»; единственный рассказ, созданный в пору зрелости («Судьба человека», 1957), возвели

в ранг образца малой прозы. И подвели итог: «Произведения Шолохова — это одна книга о судьбах народа на разных этапах его революционного пути». Такой же глянec навели на Шолохова-человека. И за его бликами трудно разглядеть, каков он был на самом деле. Где его школа «страдания», из которого, по мысли Достоевского, рождается настоящая литература? Какие проблемы жгли его душу и разум? Почему бросил писать?

Родиной Шолохова является хутор Кружилин Вёшенской станицы. Мать, дочь крепостного, выучилась грамоте, когда сын поступил в гимназию. Отец родился в семье выходцев из Рязанщины, образование получил самое низшее, но книгу любил. Миша был единственным ребенком. Рос шустрим и разбитым. Родители долго жили невенчанными, и к мальчику прилипло прозвище «нахаленок». Еще до школы он научился читать. В 7 лет пошел в начальное училище. Учение прервалось в 4-м классе гимназии.

В 15 лет Михаил уже работает учителем по ликвидации неграмотности среди взрослых, затем — служащим станичного Совета, преподает в начальной школе, а с весны 1922 года, окончив в Ростове курсы подготовки, — налоговым инспектором станицы Букановская, командует продотрядом в 270 человек, ведет продразверстку. В июне докладывает по начальству:

«В настоящее время смертность на почве голода по станицам и хуторам, особенно пораженным прошлогодним недородом, доходит до колоссальных размеров. Ежедневно умирают десятки людей. Съедены все корма, и единственным предметом питания является трава и древесная кора».

Эта работа продолжалась недолго — за недозволенные методы заготовок (ударил твердозаданца) Шолохова приговорили к расстрелу, и хотя он был тут же прощен, но пришлось искать новых занятий. Эхо тех лет прозвучало в 1966 году, когда он выступил с осуждением Ю. Даниэля и А. Синявского:

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а “руководствуясь революционным правосознанием”, ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни. А тут, видите ли, еще рассуждают о “суровости” приговора».

К литературе Шолохов пришел через драматический кружок, где имел успех у станичной публики, особенно в комических ролях. Трудности с репертуаром побудили наскоро заняться драматургией на темы дня. В октябре 1922 года он приехал в Москву, чтобы продолжить учебу, но поступить на рабфак не смог. Трудился чернорабочим, счетоводом. С конца 1923 года посещал литературный кружок «Молодая гвардия». Через год в газете появился первый рассказ Шолохова, но, не встретив в окружении поддержки своих писательских намерений, он вернулся на Дон. В начале 1926 года вышел сборник «Донские рассказы», а вскоре второй — «Лазоревая степь».

С конца 1925 года Шолохов приступил к роману-хронике «Донщина». Начал с участия казачества в походе Корнилова на Петроград в 1917 году, написал несколько печатных листов и бросил — почувствовалась необходимость показать предшествовавшее время. Фигуры Григория Мелехова в «Донщине» еще не было. Работа над первыми двумя книгами «Тихого Дона» началась в конце 1926 года и заняла около двух лет. Когда роман начал публиковаться, Шолохову шел 23-й год.

Появление монументального полотна никому не известного автора о временах и людях, которых он большей частью знать не мог, породило множество домыслов. Среди прочего утверждали, что Шолохов воспользовался рукописью умершего в 1920 году известного писателя Федора Крюкова, о котором Короленко говорил, что тот «первый дал нам настоящий колорит Дона».

Работа над третьей книгой романа заняла четыре года. Ее публикация наткнулась на осложнения — противники приписывали автору чуть ли не пропаганду контрреволюции. Вмешался Горький, попросив Сталина прочитать рукопись. Тот дал согласие встретиться. Шолохов твердо стоял на своем и получил вердикт:

«Да, согласен. Изображение хода событий в 3-й книге “Тихого Дона” работает на нас, на революцию».

Тогда же, в 1932 году, писатель вступил в ВКП(б). Казалось бы, можно спокойно работать. Но вокруг творилось такое, чего не увидишь и в страшном сне. Еще весной 1930 года Шолохова назначают чрезвычайным уполномоченным по вопросам коллективизации в Вёшенском районе. В марте 1932 года «Правда» печатает статью Шолохова «Преступная бесхозяйственность», где он возмущается гибелью скота и требует: «Необходимо найти прямых и косвенных виновников падежа и сурово покарать их». Через год обращается с личным письмом к Сталину. В нем предлагает, «невзирая на лица, разоблачать всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, кто применял к колхозникам омерзительные “методы” пыток, избиений и надругательств». Но механизм уже не слушается тех, кто его включил; кажется, что взбесилось само время. Вот письмо Шолохова одному из местных партийных руководителей П. Луговому в мае 1933 года:

«События в Вешках приняли чудовищный характер. Петра Красюкова, Корешкова и Плоткина исключили из партии, прямо на бюро обезоружили и посадили... Им обещают высшую меру. Лучших людей сделали врагами народа... Выходит, что вы разлагали колхозы, гробили скот, преступно сеяли, а я знал и молчал... Из партии уже исключено около 300 человек. Это до чистки. А завтра приезжает комиссия. Район идет к катастрофе... Писать бросил, не до этого».

Шолохов оказывается втянутым в эту кровавую мешанину и как истец, и как ответчик. Осенью 1937 года Ежов выписывает ордер на арест самого Шолохова, и лишь случай позволяет ему спастись.

Трудно ожидать от человека, выбравшегося из такой круговерти, чтобы он сохранил способность к творческому восприятию жизни. На последнюю книгу «Тихого Дона» ушло восемь лет, больше, чем на первые три вместе с «Целиной». Но жить как-то надо, и в 1937 году Шолохов заявляет:

«Меня родила, воспитала Советская власть и партия большевиков. Я — сын советского народа. И заботу Советской власти обо мне я не могу назвать иначе, как ласковой материнской заботой о сыне».

Не было недостатка в такого рода высказываниях и дальше.

С началом войны Шолохов становится военным корреспондентом, публикует фронтовые очерки. Летом 1942 года, приезжает в Вёшенскую, чтобы увезти семью от стоящего на правом берегу Дона фронта... Во дворе падает бомба, гибнет мать, горит дом с архивами. После войны возвращается на Дон, отстраивает новый дом, выступает с публицистическими произведениями типа «Не уйти палачам от суда народов» (1950). Уровень их не поднимался выше газетных передовиц, и Шолохов ощущал это; вспоминая о первых шагах, говорил: «Газетная работа не давалась мне тогда, не дается и теперь». Возможно, что осознавал он и гибель своего таланта, чувствовал, что тяга к «погутарить», нарочитое комикование в стиле деда Щукаря, которое стало доминирующим в его сочинениях, а потом переключалось в речи на писательских и партийных съездах, не может исчерпать настоящей литературы. Не может, даже если ее пояснить выкованной критикой формулой: «Народность — доминанта шолоховского дарования».

Разумеется, Шолохов не был в жизни столь скучным, однозначно положительным человеком, каким предстает в критике и впечатлениях потока тех, кто его посещал. Кинорежиссер С. Герасимов писал:

«Личные его свойства были очень противоречивыми... Человек он был шероховатый, шершавый. Был совсем неудобен для свободного общения с ним людей, которых не полагал для себя интересными... Свои суждения он оставлял для себя бесспорными».

Однако реалистический портрет Шолохова пока не нарисован.

Но как бы то ни было, а произведения Михаила Шолохова хорошо известны. Их немного, и для большинства читателей он остается автором одного романа — «Тихий Дон». Именно это сочинение послужило основанием для решения Шведской академии.